

0-760705

На правах рукописи

ДУНИНА Татьяна Петровна

**Повести мадам Гомец:
переводная западноевропейская проза
в русском литературном процессе
50-60-х годов XVIII века**

Специальность – 10.01.01 – русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Самара
2006

A stylized handwritten signature in black ink, consisting of a large loop followed by a horizontal line and a small flourish.

0- 760705

На правах рукописи

ДУНИНА Татьяна Петровна

**Повести мадам Гомец:
переводная западноевропейская проза
в русском литературном процессе
50-60-х годов XVIII века**

Специальность – 10.01.01 – русская литература

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Самара
2006

Работа выполнена на кафедре русской, зарубежной литературы и методики преподавания литературы Института филологического образования Самарского государственного педагогического университета

Научный руководитель – доктор педагогических наук,
кандидат филологических наук,
профессор **Олег Михайлович Буранок**

Официальные оппоненты – доктор филологических наук,
профессор **Владимир Андреевич Луков**
кандидат филологических наук, доцент
Александра Иосифовна Мартиновская

Ведущая организация – Пензенский государственный
педагогический университет
им. В. Г. Белинского

Защита диссертации состоится «30» июня 2006 г. в 16 часов на заседании диссертационного совета К 212.216.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук в Самарском государственном педагогическом университете по адресу: 443010, г. Самара, ул. Л.Толстого, 47, ауд. 24.

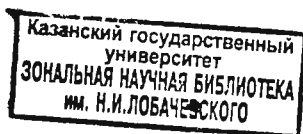
С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Самарского государственного педагогического университета по адресу: 443099, г. Самара, ул. М.Горького, 65/67.

Автореферат разослан «26» мая 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук,
доцент

О.И. Сердюкова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. В современном литературоведении актуальны проблемы компаративистики, литературных взаимодействий и взаимовлияний. Проблема взаимосвязей, влияний, контактов чрезвычайно важна в культурологии, при этом и, прежде всего, – в литературоведении. Важно обозначить различные аспекты диалога культур разных стран с русской литературной культурой, в частности, выявить особенности русско-французского и русско-английского культурного диалога, систематизировать историко-литературные факты, выявить степень влияния иноземной культуры на русскую, изучить и раскрыть не только понятие «чужого» текста, но и рассмотреть его воздействие на конкретных русских писателей, переводчиков, деятелей культуры, посмотреть на различные аспекты преломления «чужого» текста в русском тексте.

Теория и история вхождения иноязычного текста в русскую переводческую культуру разрабатывает проблемы: культурный текст как понятие; литературный и культурный диалог; воздействие на переводчика реалий и образов переводимого текста; история взаимоотношений текстов и авторов; художественное освоение мотивов и образов. Этот круг вопросов определяет актуальность и составляет проблематику исследования.

Объект исследования – жанровое своеобразие и художественные особенности повестей мадам Гомец в контексте переводной прозы в России середины XVIII века. **Предмет исследования** – переводная западноевропейская проза в русском литературном процессе XVIII века, в частности, повести мадам Мадлен Анжелики Пуассон де Гомец.

Цель исследования – рассмотреть вхождение западноевропейской прозы (в частности, повестей Гомец) в русскую переводческую культуру середины XVIII века, выявить различные аспекты русско-французского и русско-английского культурного диалога в отечественном литературном процессе.

Задачи исследования:

1. Рассмотреть русские переводы произведений мадам Гомец, выявляя их жанровое и художественное своеобразие, а также роль в переводческой культуре и литературном процессе России середины XVIII века.

2. Дать характеристику историко-литературной ситуации в переводческой культуре России середины XVIII века, выявляя особенности литературных взаимодействий и роль переводного текста в литературной культуре эпохи.

3. На материале художественных переводов с французского и английского на русский язык выявить особенности преломления «чужого» текста в русском тексте, определить специфику его воздействия на русских писателей-переводчиков XVIII века.

Материалом исследования стали переводы на русский язык повестей Гомец «Нестроения от ненависти происходящая», «Вестала» и другие тексты переводной западноевропейской прозы.

Методологическую основу работы составили труды М.П. Алексеева, М.М. Бахтина, П.Н. Беркова, О.М. Буранка, Г.А. Гуковского, Р.Ю. Данилевского, А.А. Дерюгина, Н.А. Копанева, В.В. Костюковой, Н.Д. Кочетковой, К.Ю. Лапто-Данилевского, Е.Н. Лебедева, Ю.Д. Левина, Ю.М. Лотмана, В.А. Лукова, А.Д. Михайлова, С.И. Николаева, Н.Т. Пахсарьян, В.Д. Рака, Л.И. Сазоновой, И.З. Сермана и др. Специфика изучаемой нами проблемы определила методологию исследования: применяются методы историко-генетический, функционально-типологический, сравнительно-исторический, сопоставительный, позволяющие получить знания о специфике переводов французской и английской прозы на русский язык в середине XVIII в. в контексте индивидуальных творческих особенностей русских переводчиков, а также основных идей и литературных традиций изучаемой эпохи.

Положения, выносимые на защиту.

1. Изучение историко-литературной ситуации в переводной культуре середины XVIII века позволяет определить специфику восприятия текста оригинального и переводного в культурном сознании эпохи.

2. Анализ повестей мадам Гомец в контексте русской переводной прозы середины XVIII века позволяет выявить ряд принципиальных особенностей литературного наследия середины XVIII столетия, а также раскрыть уникальность повестей самой мадам Гомец.

3. Анализ идейно-художественного и жанрового своеобразия переводной прозы позволяет раскрыть внутренний мир героев, особенности композиции и построения сюжета, специфику формирования романной жанровой формы в русской литературе середины XVIII века.

4. Анализ англо-франко-русских литературных связей дает доказательство оригинальности и своеобразия русской переводной культуры середины XVIII столетия.

Научная новизна работы определяется тем, что в ней повести мадам Гомец впервые рассматриваются в контексте русской переводной литературы середины XVIII века; путем комплексного многоаспектного анализа выявляются идейно-художественные особенности этих повестей. Впервые повести Гомец становятся объектом научного осмысления в рамках диссертационного исследования.

Теоретическая значимость исследования. Избранный литературный материал позволяет расширить представления о литературном процессе в России 1850–1860-х гг., глубже осмыслить литературоведческие и культурологические универсалии, присущие русской переводной литературе середины XVIII века.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты можно использовать при изучении курсов «Русская литература XVIII века» и «Зарубежная литература XVIII века» в вузе, а также при разработке спецкурсов и спецсеминаров, дисциплин специализации, в подготовке курсовых и дипломных работ по русской и зарубежной литературе XVIII в.

Апробация работы осуществлялась в форме ее обсуждения на кафедре русской, зарубежной литературы и методики преподавания литературы Самарского госпедуниверситета. Основные положения исследования были представлены на внутривузовских, региональных, всероссийских научных конференциях (Самара, 2004, 2005, 2006; Инза, 2004, 2005).

Структура работы. Текст диссертации изложен на 184 страницах и состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы, содержащего 333 наименования.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснованы выбор и актуальность темы, ее новизна; определены цель, задачи и методология исследования; дан аналитический обзор литературоведческих трудов по избранной тематике; сформулированы выносимые на защиту положения; дана информация об апробации и практическом применении материалов исследования.

В первой главе («Историко-литературная ситуация в переводческой культуре России середины XVIII века»), состоящей из трех параграфов, рассматривается, как воспринимался в культурном сознании эпохи текст оригинальный и переводной, как французская и английская переводная проза входила в русский литературный процесс 1750–1760 гг.

В XVIII веке «чужой» текст входил в русскую литературную культуру не только вследствие прямых контактов России с другими странами, но и через посредничество третьей стороны. Таким образом, получался уже не диалог, а *полилог* культурных традиций и взаимодействий. В реферируемой работе речь идет именно о таком культурном полилоге в пределах литературного текста: рассматривается, как в середине XVIII в. «английский текст» входит в русскую литературную культуру (становится «русским текстом») через язык-посредник (французский язык и, соответственно, «французский текст»). В диссертации уделяется внимание не только переведенному тексту в русской культуре (с французского на русский, с английского на русский), но и такому характерному литературному явлению «осмнадцатого столетия», как перевод с перевода (когда между английским и русским текстом оказывался текст на языке-посреднике – французском). Через французский как язык-посредник в русскую литературную культуру XVIII столетия входил английский роман, например, «Философ аглинской, или Житие Клевеланда, побочного сына Кромвелева, самим им написанное и с аглинского на франц., а с франц. на российской язык переведенное» (СПб., 1760).

В России «осьмнадцатого столетия» иностранная литература весьма пришлась по душе русскому читателю. В частности, роман и повесть превратились в излюбленное чтение, хотя стали объектом для споров в критике – о «пользе» и «вреде» романов.

К переводной литературе в России никогда не ослабевал интерес. Переводами иностранных книг занимались и ученые, и литераторы, и любители, ставя при этом самые различные задачи и преследуя самые различные цели – от выполнения социального заказа до приятного интеллектуально-творческого времяпрепровождения. Переводная литература в XVIII столетии выполняла двойную функцию: во-первых, переводчики знакомили русских читателей с произведениями западноевропейской литературы (тем самым переводы на русский язык выполняли, прежде всего, познавательную функцию); во-вторых, переводная литература естественным образом вливалась в русский историко-литературный процесс, «ассимилировалась» и воспринималась уже как «своя» литература. Усваивая западноевропейские сюжеты и особенности художественной формы, переводчики осуществляли несомненное влияние на развитие отечественной литературы.

Сопоставительный анализ предисловий в русских и переводных романах дает возможность понять не только цели и задачи, которые ставили перед собой переводчики, но и увидеть определенные художественные тенденции русского переводного романа, говорить о вкусах и настроениях русских читателей середины XVIII века, а в итоге позволит выявить особенности жанра и его эволюции.

Как видно из наблюдений автора диссертации, при обращении русского переводчика к испанской, английской, немецкой литературам зачастую языком-посредником, литературой-посредницей выступали язык и литература Франции: французская версия, выполненная в любом жанре, могла стать основой для переделки, «переложения» в русскую прозаическую версию, а то и для авторских переводов. Очень часто в заглавии или в предисловии переводчик, будь то анонимный или поименованный, указывал на французский текст-посредник, оговаривая степень его использования и близость к тексту-оригиналу. Однако были случаи, когда сохранялась принципиальная анонимность как перевода, так и оригинала. Видимо, некоторых переводчиков смущала необходимость обращения сразу к двум культурам, зачастую они отходили от перевода в строгом смысле слова, и переделка в авторском сознании переводчика претендовала на куда большую роль, нежели просто переложение с одного языка на другой. Поэтому вполне справедливо внедрение в историю русской переводной культуры такого понятия, как ассимиляция того или иного текста в русской культуре XVIII века.

Романы и повести, переведенные на русский язык, не только знакомили русскую публику с иностранной литературой, но и выполняли роль посре-

дников в диалоге культур: в русской жизни появляется некий «эталон», предусматривающий необходимость соотносить «свое» и «чужое» и в быту, и в культуре.

Таким образом, на основе изучения вопроса о тексте оригинальном и переводном в диссертации формулируется вывод: в XVIII столетия литературный перевод становится повсеместной практикой культурного досуга; тексты «свой» и «чужой» еще не различаются в культурном сознании эпохи; французский язык стал одним из языков-посредников в диалоге литератур Запада и России.

Далее в диссертации рассматриваются произведения французских авторов в русских переводах середины XVIII в. Показано, что переводные произведения не только составляли основной круг чтения в русском обществе середины столетия, но и активно начинали влиять на жанровую систему, в результате чего перестраивалась четкая классицистическая система жанров и стилей, на авансцену литературной жизни выдвигались новые жанры, а «удержавшиеся» в этой перестройке старые жанры получали новое содержание и новую поэтику. В первую очередь, речь идет о жанрах романа и повести (их еще не различали в XVIII в.), о влиянии романного содержания, романной тематики и поэтики на литературную культуру как на Западе (во Франции, в частности), так и в России.

В середине XVIII века русскому читателю были известны произведения маркиза д'Аржана – «Еврейские письма», «Кабалистические письма», «Китайские письма» (хотя бы потому, что салонным языком являлся французский); отмечается их влияние на «Почту духов» И.А. Крылова.

Письмо, эпистола (и как жанровая форма, и как один из элементов структуры или сюжета) постоянно используется в романах XVIII века. Поскольку в восприятии читателей роман обязательно предполагал достоверность изображаемого (даже при самом фантастическом сюжете!), то письмо и было одним из способов создания иллюзии достоверности, даже документальности повествования. В письме и для автора, и для читателя привлекательна доверительность интонации и непосредственное «общение» читателя с героем (как бы без авторского посредничества).

Огромным успехом у русских читателей пользовался не только Вольтер – поэт и драматург, но и Вольтер-прозаик. Читательский успех вольтеровских «Задига», «Видений Бабука», «Кандида», «Принцессы Вавилонской», «Мемнона», «Индийской истории» и многих других был огромен: печатались не только переводы в журналах, но и выходили тысячными тиражами отдельные издания. Примечательно, что переводчики И.Л. Голенищев-Кутузов, С.С. Башилов, Ф.А. Полунин, М.И. Попов, П.И. Богданович, Н.Е. Левицкий и др. переводили прозу Вольтера зачастую независимо друг от друга. В диссертации проанализировано содержание предисловий (они были столь характер-

ной составляющей в русских переводах) и сформулирован вывод, что свое занятие переводом зарубежных произведений русские переводчики воспринимали по-разному. Одни – как отдохновение от военной службы (например, Н.И. Ознобишин), другие (Лёвшин и Комаров) – как заработок, а кто-то относился к этому литературному занятию весьма ответственно и серьезно, ведь большинство русских переводчиков и сами были писателями и прекрасно понимали, *кого* они переводят: ведь это был Вольтер! Диссертанту импонирует мысль П.Р. Заборова, который считает, что «средний уровень этих переводов сравнительно высок, а в некоторых из них немало больших для того времени переводческих удач»¹, ученый выделяет точность и искусность таких переводчиков, как Голенищев-Кутузов, Попов. Примечательно, что наряду с погрешностями и ошибками, идущими от несовершенства знания языка, были вполне обоснованные, сознательные искажения, обусловленные опасениями цензуры: переводчиков смущала критика Вольтером религии и церкви. Вольтер-прозаик с 1760-х гг. прочно входит в русскую общественно-политическую и литературную мысль.

В середине XVIII века значительно расширилась жанровая палитра прозы – именно благодаря переводам вольтеровских прозаических произведений, отличающихся жанровым разнообразием: повесть-притча, повесть-обозрение, повесть-памфлет, «словарь», поучение, наказ, разговоры и диалоги, послания, трактаты и, наконец, романы – все это через Вольтера и его русских переводчиков (а зачастую в чем-то и соавторов) делалось не только достоянием читательской публики, но и раздвигало жанровые границы прозы, вырабатывало новую жанровую политику. И если в драме и в лирике к 60-м гг. общеевропейские жанры были вполне усвоены русскими писателями и читателями, то после прозаического «голода» первой половины XVIII века именно Вольтер способствовал развитию русской прозы.

Западноевропейская проза активно усваивалась в литературной культуре России середины XVIII века: через многочисленные переводы и переделки шел процесс своеобразного «накопления» знания о литературе Запада, что становилось необходимым этапом развития как переводческого искусства, так и оригинальной отечественной литературы.

На взгляд автора диссертации, именно развитие переводческой культуры во многом способствовало тому, что на излете классицизма о себе заявили сразу несколько зарождавшихся литературных направлений – сентиментализм, предромантизм, предреализм, но и остаточные явления барокко и рококо именно через переводную литературу влияли на историко-культурную ситуацию середины века. Переводной роман (повесть) представляет немалый интерес в аспекте структурного и словесного оформления материала как пе-

¹ Заборов П.Р. Русская литература и Вольтер. – Л., 1978. – С. 60.

реходной формы от повествовательной структуры классицизма через технику рококо к сентиментальному роману и роману романтизма с его открытой, свободной формообразующей структурой.

Вопрос о генезисе романа как жанра предполагает, в частности, установление литературной генеалогии. Особенно это важно, когда исследователь имеет дело с переводным романом: входя в литературу и культуру народа, на язык которого роман переводится, он не только несет «свое» в воспринимающую культуру, но и сам в определенной мере подчиняется ее законам и нормам. Переводчик становится своего рода *соавтором*, особенно это характерно для периода становления переводческой культуры, который наблюдается в России XVIII столетия. «Езда в остров любви» (1730) – первый роман на русском языке – воспринимался не как *перевод* популярного романа Поля Тальмана, а как книга, созданная В.К. Тредиаковским. Подобное «неразличение», «слияние» автора и переводчика характерно не только для читателей XVIII века, но и в какой-то мере для самого переводчика: не случайно он дополнял роман отсутствующими у Тальмана ситуациями и подробностями, сделал отвлеченные у французского автора рассуждения о любви конкретными, живыми сценами. В его переводе тальмановский текст предстал уже в новом качестве – *русского романа*, романа Тредиаковского.

Далее в диссертации доказывается, что жанр русского романа середины XVIII века развивался вне классицистической поэтики с ее строгой нормативностью, оказался на перепутье литературных дорог. Автор диссертации исходит из того, что, в отличие от западноевропейского, роман в России развивался как принципиально просветительский литературный жанр, который призван был не просто развлекать читателя, но в первую очередь поучать, нравственно формировать его личность. В романе человек, мир его души – объект и предмет изображения авторов и переводчиков. И в тех случаях, когда оригинальный текст не даст для этого достаточного материала, русский переводчик XVIII столетия «достраивает» его, «дописывает» текст в нужном ему направлении (как делал еще В.К. Тредиаковский в своем переводе-переделке тальмановского романа). И эта традиция «сотворчества» переводчика с автором еще не скоро будет изжита.

В диссертации говорится о значимости романа рококо для развития русской переводной и оригинальной прозы. Роман рококо возник как попытка по-новому (иными средствами) рассказать о действительности. Двумя «краеугольными камнями» эстетики рококо являются «стремление к природе и к реальности»². Диссертант замечает, что эти две ипостаси характеризуют не только роман рококо, но переводной роман вообще, вне зависимости от его

² H. Grant Sampson. Rococo in England // The Centennial Review. Michigan, 1978. Vol. XXII. № 3. P. 363.

принадлежности к тому или иному художественному методу или направлению. Достоверность (даже достоверность фантастического, ирреального!) — «конёк» этого литературного жанра. Однако «обыкновенное» в рококо вовсе не тождественно аналогичному понятию в реализме XIX века, например. Сущность этой «обыкновенности», утверждается в диссертации, определяется соотношением объекта художественного изображения в рококо с другими стилями и направлениями. Если классицизм отводит человеку второстепенное место, рассматривая его лишь как подчиненный элемент в государственной иерархии (личность подчиняет свои интересы государственным, свои чувства — долгу), если романтизм и сентиментализм (каждое направление, правда, по-своему), напротив, выдвигают личность на первый план (писатели этих направлений в своем стремлении дать антитезу классицистическому видению человека приподнимают его, так или иначе делают исключительным: личность человека, его внутренний мир, его переживания и поступки рассматриваются как особая ценность и заслуживают самого пристального внимания и автора, и читателя, — то рококо обращает внимание на *обыкновенность* человека и его жизненных ситуаций, его судьбы. Здесь еще далеко до той типичности, которую провозгласит и утвердит реализм, но движение к жизненной правде уже налицо. Это выражено в растущем желании постичь «подлинное» содержание истории, ее закулисные стороны в противовес парадно-героическим. Не потому ли любой роман, даже не исторический по своему жанру, так или иначе тяготеет к истории? Романист обязательно «вписывает» своих героев в определенный временной контекст (исторический или современный — не важно), всегда изображая человека *во времени*. А такое изображение несет в себе огромный познавательный и воспитательный потенциал. Именно он, помимо занимательности романых сюжетов, и был, несомненно, одной из причин обращения русских переводчиков середины XVIII века к западноевропейским романам.

Среди русских переводчиков с французского видное место в русской литературной культуре XVIII столетия занимает писатель Федор Эмин, хорошо знавший западноевропейскую литературу и посредством переводов и переделок включавший ее в круг чтения русских читателей и — шире — в контекст отечественного литературного процесса. При этом, активно используя реминисценции из французских авторов, Эмин не столько переводил (собственно переводов из Лесажа, Вольтера и др. практически нет в «Адской почте»), сколько творчески переделывал, насыщал русским духом. Его сатира была не только общечеловеческой, но и конкретно-социальной, национальной. Не случайно «Адская почта» активно участвовала в журнальной полемике 1769 г. со «Всеякой всячиной», по существу, на стороне Новикова, о чем писали многие исследователи.

Автору диссертации представляется весьма знаменательным (в связи с темой исследования) факт: в 1767 г. Эмин представил в академическую

типографию выполненный им перевод вольтеровской «Истории Российской империи при Петре Великом». Русскому переводчику важно было познакомить соотечественников с суждениями великого француза о русской истории (в свою очередь, Вольтер в этой книге давал французскому читателю картину российской истории петровского времени).

В истории русской переводной прозы значимы не только собственно французские произведения, оригинальные сочинения французских авторов, но и произведения испанской, немецкой, итальянской, английской литератур, переведенные сначала на французский язык французскими переводчиками, а затем уже – на русский язык (так, например, пришел в русскую литературную культуру испанский плутовской роман «Жизнь Лазарильо из Тормеса»). Французский выступает в России XVIII века как язык-посредник и для переводчиков сочинений английских авторов.

Далее в диссертации речь идет о произведениях английских писателей в русских переводах середины XVIII века. Зародившийся в Англии сентиментализм, как новое литературное направление и художественный метод, не только очень быстро проник в Россию к концу 60-х гг., но и, сосуществуя и параллельно развиваясь с классицизмом, предреализмом и предромантизмом, медленно, но неуклонно утверждался в эстетике русской культуры и литературы.

Хотя пик популярности С. Ричардсона в России придется на рубеж XVIII–XIX вв., его переводили на русский язык уже в 1740-е гг.: неопубликованным остался перевод И.В. Шишкиным первого романа Ричардсона «Памела, или Награжденная добродетель», сделанный в это время.

Знаковой для середины века стала фигура Александра Попа (1688–1744), которого Сумароков, Домашнев, Н. Поповский, И.В. Шишкин «авели» в русскую литературу и культуру. А. Поп, в свою очередь, очень часто упоминает в своих произведениях Шекспира, тем более что был в Англии его издателем. Историко-литературные связи между Россией и Англией исследованы достаточно подробно, есть итоговые труды – М.П. Алексеева, Ю.Д. Левина и др. Интересно, что Сумароков, Екатерина II и др. воспринимали писателей-англичан именно через французские переводы. Например, «Гамлета» Шекспира усваивали (совершенно точно доказано) через вольтеровский перевод (Сумароков), а Екатерина II сама признавалась в письме к Ф.М. Гримму от 24 сентября 1786 г., что она написала четыре «шекспировы пьесы» по французским и немецким источникам (т.е. переводам).

Шекспир активно входил в русскую культуру XVIII в. Если первое упоминание о Шекспире в «Эпистоле» Сумарокова относится к 1748 г., то с 1760-х гг. о нем стали появляться отзывы, отклики, русские писатели внедряли в свои произведения шекспировские фразы и отрывки. А с 1770-х гг. Шекспира стали переводить уже не через языки-посредники, а с оригинала: в 1781 в

переводе В.Лёвшина в Москве был издан трактат «Гаррик, или Аглинский актер» А.Ф.Стикотти, который перевел-переделал анонимную английскую брошюру, изданную в Лондоне в 1755 г. Русский же перевод Лёвшина делал не с французского, а с немецкого перевода, изданного, в свою очередь, в Копенгагене в 1771 г. В этой работе очень много мест посвящено Шекспиру. Книга имела успех в России еще и потому, что к 60-м гг. относится открытие в Петербурге первого английского театра: на Галерном дворе давались в доме купца Рейкса спектакли для англичан, живших в столице, а с 1770-х гг. в столице давала спектакли приезжая английская труппа. Г. Фильдинга часто переводили, особенно был известен его «Том Джонс», в котором много цитат из Шекспира.

Уже в 60–70-е гг. XVIII в. Л. Стерн был известен русским читателям, которых потрясало его умение передать чувства героев, музыку слов, сложный синтез чувствительности и юмора. В диссертации отмечается, как переводы его произведений на русский язык влияли на поэтику русской художественной прозы.

В.А. Приклонский через французский как язык-посредник переводил английского писателя Чарлза Джонстона «Дух золота, или Приключения гинеи». Этот роман написан по стопам Г. Фильдинга и Т. Смоллета: назывался он «Похождения рублевиковы»; его рукопись не сохранилась, но сам образ-персонаж (гинея, рубль, монета) получил свое развитие в русской переводной литературе: «Похождения червонца» перевел с английского студент Михайло Пермский в «Свободных часах» (1763), затем в «Трутне» (1769) Н.И. Новиков напечатал свое подражание ему, в «Утреннем свете» (1778) появилась «Повесть о попуполтиннике», а затем образ-мотив перейдет в XIX век, например, в сатирический рассказ А.А. Бестужева «История серебряного рубля» и т.д.

В диссертации отмечается интерес, проявленный русскими читателями XVIII в. к английской журналистике. Достаточно широко использовал английские моралистические журналы русский научно-популярный и литературный журнал «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» (1755–1764), созданный по инициативе М.В. Ломоносова и издававшийся Академией наук. Характерно то, что публикации подбирались с учетом принципов гуманистической морали и этического-эстетических критериев, пропагандировались буржуазные добродетели английского общества. По жанру это были «видения», «разговоры», «сны», рассуждения религиозно-философского характера; среди переводчиков были С.А. Порошин, барон И.И. Черкасов, Г.В. Козицкий, В.И. Лебедев и др. Ежемесячник «Трудолюбивая пчела» и еженедельник «Праздное время, в пользу употребленное», которые начали издаваться в Петербурге с 1759 г., также помещали на своих страницах очерки английского происхождения. А.П. Сумароков в «Трудолюбивой пчеле»

способствовал публикации произведений Локка, Вольтера. В качестве переводчиков был И.А. Дмитриевский, ставший впоследствии знаменитым актером, а в «Праздном времени» значительное место занимали английские эссе. По характеру это был благонамеренный дворянский журнал. В начале 60-х гг. при Московском университете (благодаря стараниям М.М. Хераскова и участников его кружка) стали возникать периодические издания – «Полезное увеселение» (1760–1762), «Свободные часы», «Доброе намерение» (1764). Переводчиками тут были С.Г. Домашнев, М. Пермский (особенно последний много переводил с английского, был знатоком языка). Интересным в рамках изучаемой темы является переводной сборник «Забавный философ» Л.И. Сичкарёва, издававшийся в 1766 г., куда включались разные остроумные повести, описания удивительных сновидений и другие тексты из английских журналов 40–50-х гг. Уже в предисловии Л.И. Сичкарёв заявил о ярко выраженной дидактической направленности своего сборника. Видимо, сборник пользовался успехом, потому что в 1784 г. его переиздали, правда, под другим заглавием – «Зритель мира и деяний человеческих».

Притча, аллегория, рассуждение – все то, что было дидактичным, морализаторским, – переключивалось из английских, французских, немецких переводов в русские: повествовательные («эссеи») привлекали издателей и переводчиков. Еженедельник «Всякая всячина» (1769–1770) и продолжавший его «Барышек Всякой всячины» (ред. Г.В. Козицкий, а на самом деле – императрица) не только провозгласили политику «улыбательной сатиры», тем самым пытаясь воздействовать на общественное мнение, но и организовали *Собрание, старающееся о переводе иностранных книг на российский язык*. Замечательно, что Екатерина II, с прохладцей относившаяся к началу 1770-х годов к французским философам, стала поощрять переводы из английской журналистики – с более умеренными акцентами. Автор диссертации разделяет мнение Ю.Д. Левина, что Екатерину II привлекала занимаемая английским журналом позиция «зритель и человечество» – позиция невмешательства непосредственно в «практическую сторону жизни», нейтральности по отношению к общественным недостаткам и к проступкам отдельных лиц³, что вполне отвечало задачам «улыбательной сатиры». Однако примечательно то обстоятельство, что журналы Н.И. Новикова, М.Д. Чулкова, Ф.А. Эмина не так живо использовали английские тексты.

С середины XVIII в. европейские писатели стали отчетливо осознавать эстетическую роль языка художественных произведений, а потому уделять ему особое внимание. В переводную литературу осознание художественной функции авторской речи придет позднее; пока же переводчики были озабо-

³ Левин Ю.Д. Восприятие английской литературы в России. – Л., 1990. – С. 47.

чены лишь одним – как передать содержание и сюжет; особенности сохранения авторской художественной формы заботили их мало. В этом – помимо прочего – была причина разнообразных экспериментов переводчиков с «чужим» текстом: перевод прозы стихами, а стихов – прозой, различные сокращения и расширения текста, переделки, замена имен персонажей и т. п. «вольности».

«Предлагательное» направление в русской драматургии – и вообще в литературе середины XVIII в. – явилось результатом подобных «переделок» переводчиками «чужого», авторского текста. Переводчики XVIII в. словно «не замечали» не только собственно художественных, стилистических особенностей авторской художественной речи, но даже структуры текста. В частности, в переводах XVIII века на русский язык западноевропейской прозы отсутствует, как правило, графическое выделение диалога.

Для автора диссертации методологически значима мысль В.А. Лукова, который пишет, что «ценности мировой литературы при вхождении в русский тезаурус заметно трансформируются», «зарубежный писатель должен быть глубоко освоен нашей культурой, чтобы занять в ней место рядом с русскими писателями»⁴.

Далее в диссертации идет речь о переводах в России произведений Даниэля Дефо. Начиная с 60-х гг. XVIII в., Д. Дефо быстро и прочно вошел в русскую культуру, правда, только одним своим романом («Робинзон Крузо»). Все же остальное из его наследия постигалось российским читателем медленнее и сложнее, так что проблема «вхождения» Дефо в русскую культуру (как целостного явления) еще во многом ждет своих исследователей. Автор диссертации подробно анализирует сюжет, систему образов и поэтику последнего романа Д. Дефо – «Счастливая куртизанка, или Роксана», поскольку многое сближает его с тем, что обнаруживается в прозе Гомера и что через западноевропейскую переводную прозу поникнет в русскую литературу середины XVIII века: психологизм и драматизм, структура текста, некоторые художественные приемы, особенности построения сюжета и т.п. В «Роксане», как следует из проделанного в диссертации анализа, речь идет, скорее, не о приключениях героини, а о приключениях ее души. Героиня, повествуя о своей жизни, постоянно рассматривает то или иное событие, побуждение или мысль как бы со стороны, оценивая его дважды, а то и трижды или четырежды: с точки зрения себя тогдашней (эта оценка сводится обычно к самозащите), с точки зрения общечеловеческих законов, которые ей приходится преступать (эта точка зрения самого автора, который как бы вторгается в мышление героини в данных местах), с точки зрения других персонажей и с точки зрения себя нынешней, пишущей эти записки. Иными сло-

⁴ Луков В. А. Эдмон Ростан. – Самара, 2003. С. 3.

вами, происходит некое удвоение или утроение образа авторского «Я», временная и пространственная его ретроспекция. Этим объясняются многочисленные повторы, когда героиня «прокручивает» событие с разных сторон, оценивая свои действия то так, то иначе, или упреждение того, что последует позже, а также возврат к тому, о чем уже говорилось (этот прием автор диссертации обнаруживает и при анализе повестей Гомец). Иногда повествование сменяется затянувшимися периодами разглагольствований героини, потом служанки, затем – очередного «друга» и т.д. – что дает в совокупности эффект спиралевидного «сказа», усложненного и постоянно замедляемого ретроспективными петлями, создаваемыми воображением героини. В соответствии с этим постоянно меняется и тональность повествования – то иронического, то элегантно-го, то серьезного.

Таким образом, английская беллетристика и просветительская журналистика непосредственно или через французские и немецкие переводы достаточно активно проникали в Россию. Художественные английские произведения (чаще всего через язык-посредник – французский) также становились известны в русской литературной культуре XVIII века.

Во второй главе («Проза мадам Гомец в России»), состоящей из трех параграфов, дается общая характеристика произведений мадам Гомец в русских переводах середины XVIII века, анализируются художественное и жанровое своеобразие, мотивы и образы ее повестей в русских анонимных переводах середины XVIII столетия.

Мадлен Анжелика Пуассон де Гомец (1684–1770) – французская писательница XVIII в., написавшая огромное количество трагедий, новелл, галантных рассказов – невыдержанных по стилю, но остроумных и полных живой фантазии. Изданные в Париже в 1733–1739 гг. в 19-ти томах «новые» повести («новости») очень быстро получили распространение и популярность в России. Переводчики (В.И. Лукин, А.И. Вельяшева-Волынцева, анонимные) неоднократно обращались к отдельным новеллам этого французского издания. В 1765–1767 гг. в Санкт-Петербурге вышло десяти томное собрание повестей Гомец в русских переводах – «Сто новых новостей. Сочинения госпожи Гомец», содержавшее 18 повестей (по нумерации – 32 «новости», но пять из 18 повестей имеют продолжения, которые нумеруются как следующая повесть, а некоторые цифры при нумерации вовсе пропущены).

Автор диссертации далек от мысли считать произведения Гомец образцами высокой литературы, повлиявшей на русскую литературу того времени, тем более на поздние литературные эпохи. Однако читательские вкусы она вполне могла формировать и формировала, о чем свидетельствуют предисловия ко многим томам русского издания, в которых издатели обращаются непосредственно к читателю. В диссертации анализируются имеющиеся предисловия и делается вывод: можно говорить о некоем диалоге издателя и пере-

водчика с читателем середины XVIII в. Подобная культура не была новостью ни в переводной, ни в оригинальной литературе не только в XVIII в., но и в Древней Руси. Литературные и филологические функции этих вставных конструкций в издании явно расширены, по сравнению с древнерусскими; однако их нравоучительная и дидактическая функции или снижены, или стали иными – не поучать, а развлекать, приносить удовольствие, давать деловую (в том числе, коммерческую) информацию об издании. Чрезвычайно важно и то обстоятельство, что в письмах, обращениях, комментариях, предисловиях и послесловиях затрагивались многие литературные проблемы, решались определенные проблемы литературной коммуникации, проблемы риторики и поэтики. В отличие от древнерусской литературной жизни, издатели и переводчики уже выступали как представители литературной профессии, речь шла уже о зачатках профессионализма: они понимали роль переводной литературы для русской культуры середины XVIII в.

Составители и издатели текстов с этими вставными внетекстовыми конструкциями давали презентацию не только перевода, но и автора, в данном случае – мадам Гомец. Они пропагандируют ее как известного во Франции автора (в действительности же Гомец во Франции была не столь уж известна, она относилась к литературной периферии), вызывая тем самым интерес к неизвестному в России автору, его личности и творчеству. Нельзя сказать, чтобы предисловия содержали богатый историко-культурный или литературный материал, но они вполне проясняют культуру перевода и в целом книжную культуру того времени.

Содержание повестей Гомец – войны, любовные коллизии, экзотика Востока и историческое прошлое европейских стран; сверхъестественные страсти; сотни «золушек», которые – благодаря почти чудесным поворотам судьбы – становятся графинями и королевами; широчайший диапазон социальных представителей: в качестве героев представлены все социальные слои – от пастуха до короля. Герои ее «новостей» достаточно свободно перемещаются во времени и пространстве, порой не привязаны ни к каким историческим событиям, но большинство повестей имеет сюжет, в котором жизнь персонажей включена в некий исторический контекст. Излюбленный прием автора – нагромождение фактов, лиц, событий, происшествий, смешение исторических и вымышленных персонажей. Гомец предвосхищает вальтер-скоттовский принцип историко-художественного повествования (правда, ее историзм – как это вообще присуще литературе и авторам XVIII столетия – еще очень условен). В повестях Гомец, отмечает автор диссертации, налицо попытка проникновения в психологию интимных отношений, всегда четко расставлены моральные акценты. Ее герои, движимые любовью и дружбой, оставляли в сознании читателей впечатление благородства и высоких помыслов.

Все эти авантюрно-любовные повести, в основном, небольшого объема (касается тех, что не имеют продолжений). Сюжет составляют любовные перипетии, коварство, измены, невероятные перемещения в пространстве, войны, путешествия. Очень часто повести строятся на антитезе: смерть – жизнь, любовь – измена, искренность – коварство, добродетель – злодейство. Антитетичные (в моральном аспекте) пары героев есть практически в каждой повести. События вписаны в конкретное пространство и время (правда, эта конкретность одновременно может быть весьма условной). Повести (следуя романному принципу достоверности и детализированности изображения) изобилуют упоминаниями географических мест (названия государств, городов, рек и других топонимов). Так, в самой первой повести из русского 10-томного издания сочинений Гоцец – «Несчастье одного бывает другому счастьем» – действие разворачивается на Востоке, в районе Диарбекира по течению Ефрата, в городах Джабар, Анна (это, видимо, Хани). События происходят во время турецко-персидской войны. В отличие от «восточных» повестей конца XVIII века, здесь еще нет описания пышных восточных пейзажей, обстановки и прочей экзотики, что так будет привлекательно для читателя в этом жанре. Нет и исторически точного описания времени, в которое происходят события. По отдельным деталям можно догадаться, что речь идет о современных автору событиях, происходящих в XVIII веке (упоминаются артиллерия, военные должности XVIII века). Каких-либо точных дат в повествовании нет, временные границы указаны описательно: «три месяца», «12 лет», «на следующее утро» и т.п.; отец героини «убит в *последней* войне, бывшей у турок с христианами»; в *настоящее время* – вражда между персиянами и турками. Чувствуется, что повествователь – европеец, герои повести экзотичны для его восприятия. Автор (и переводчик вслед за ним) пытается указать читателю на эту необычность: «Таким образом любовь действует в сих странах», «природное туркам зверство оставило их в сем случае». К жанру «восточной повести» относится и вставная «Повесть о княжне Якской» в «новости» «Знатный путешественник», где также много восточных мотивов и упоминаний Востока в связи с персонажами и событиями.

Античные сюжеты разрабатываются в повестях «Самос», «Увенчанное постоянство», «Героическая любовь». Здесь уже можно говорить о появлении некоторых черт жанра исторической повести (события датированы и имеют реальную историческую основу, в числе персонажей – не только выдуманные персонажи, но и действительно исторические лица).

Действие в повестях Гоцец разворачивается в разных странах – Италии (в названных выше «античных» повестях, в «Знатном путешественнике», «Великодушном морском разбойнике» и др.), в Германии («Аделаида, королева Лонгобардская», «Самос», «Вестала» и др.), в Богемии («Удалерик, принц Богемский»), в Испании («Достойный приговор»), Турции («Несчастье

одного бывает другому счастьем»), в Дании, Норвегии, Германии и Франции («Вестала», «Повесть о Клодомарке»), в Англии («Нестроения от ненависти происходящие»), во Франции («Достойный приговор», «Любовник, соперник и поверенный сам себе», «Нумерана» и др.). Таким образом, география сюжетов и событий весьма разнообразна. При изображении «чужого» и «чуждого» французская писательница весьма толерантна: рисуя жизнь и нравы различных народов, различных стран и времен, она старается понять эту чужую жизнь, объяснить ее читателю хотя бы упоминанием о местных традициях. Это не могло не иметь для читателя дополнительного – познавательного – интереса. Жанры романа и повести, еще не очень различаемые в XVIII веке, обязательно несли в себе (начиная с «гисторий» петровского времени) не только развлекательный, но и познавательный элемент. Интерес к прошлому и настоящему, к истории других стран и народов – ближайших и дальних «соседей», занимательность интриги, любовный сюжет, заявляющий о себе с первых же строк любой повести Гомерц, вечная борьба добра и зла, проходящая сквозным мотивом через каждую повесть, четкие нравственные оценки автором персонажей и их поступков – все это делало повести Гомерц весьма занимательным и небесполезным чтением для человека середины XVIII столетия.

Повести Гомерц дают в определенной степени уникальную возможность рассмотреть феномен англо-франко-русского культурного сотрудничества: фиксация конвенционально-консервативного качества повестей с характерными раздумьями и переживаниями о далеком историческом прошлом, с явным налетом патриотического настроения, с раздумьями о родине. Происходит некое взаимовлияние региона, мотива, жанра, идеологии и поэтики. В итоге был создан прецедент такого литературно-эстетического сотрудничества посредством переводной культуры, которое определило значительный успех произведений Гомерц в России середины XVIII века. Поэтому в данном случае мотив родины (присущий всем повестям Гомерц) стал не просто объектом прозы «на случай», а лег в основу идейно-эстетических исканий и русских прозаиков, переводчиков середины века. Герои мадам Гомерц оказались близкими по своим устремлениям к людям и героям 1750–1760 гг.: они не только влюбляются, совершают экстраординарные поступки, воюют, интригуют, но и участвуют в религиозном и общественном движении своих стран.

Мотив родины «работает», как показано в диссертации, особенно плодотворно именно в историко-литературных жанрах: повествование о далеких исторических эпохах всегда у реципиента вызывает комплекс ассоциаций, соотнесенных с родным ему историческим, географическим и т.п. контекстом. Автор диссертации доказывает, что и в случае с переводами Гомерц это срабатывало: русскому человеку середины XVIII века были доста-

точно близки и интересны события, происходившие в некой английской «Тринобатской земле» («Нестроения от ненависти происходящая») или у саксов («Вестала»); обращения к темам идолопоклонничества, нравам предков англичан, немцев и французов вполне соотносились с идолопоклонничеством в Киевской Руси – тот же нелегкий отказ от религии предков, что заключено в драматический сюжет «Повести временных лет». Тем более, что и в историческом, и в художественном аспектах эпизод принятия христианства на Руси в середине XVIII века был широко разработан.

Державно-патриотические умонастроения, свойственные героям Гомер, отвечали умонастроениям представителей русского общества 50–60-х гг. XVIII в.: по существу победоносная война правительства Елизаветы Петровны с Пруссией поднимала статус России не только в глазах соотечественников, но и европейцев. Мадам Гомер в своих повестях затронула такие моменты европейской истории, когда начиналось объединение земель (например, в повести «Нестроения от ненависти происходящая», показано, как в упорной и кровопролитной борьбе шло единение небольших английских государств). Именно в это время в России над этими же процессами, но относящимися к своему государству, думали историки и писатели. Вспомним замечательные трагедии Сумарокова, для сюжетов которых послужили эпизоды из легендарной, недатированной части «Повести временных лет». Просыпалось самосознание русской нации на новом этапе ее исторического развития. Проблемы национального самосознания поднимают в своем творчестве А.Д. Кантемир, М.В. Ломоносов, А.П. Сумароков, Н.И. Новиков и др. Так, в своей «Древней Российской истории» Ломоносов пытается запечатлеть для потомков деяния предков, утверждая величие и древность славянского народа, прямыми потомками которого являются русские. Он детально описывает нравы, поведение, верования древних славян, почерпнув сведения не только у Нестора, но и у Плиния, Прокопия Кесарийского и др. Он показывает пути соединения славян с варягами-россами. Принципиально важно, что он пишет это в 1754–1758 гг. (опубл. 1766). Параллельно со своими историческими работами те же идеи, те же мысли Ломоносов популяризирует в художественно-публицистических трудах, т.е. в сознании русских в 1750-е гг. прочно складывается представление о родине, ее корнях, ее месте в ряду других стран.

В построении сюжета и обрисовке характеров повести «Нестроения от ненависти происходящая» чувствуется драматургическое (точнее, трагедийное) начало (не случайно мадам Гомер была известна во Франции и как автор трагедий): на первый план выступает конфликт, подчиняющий себе движение сюжета. Собственно повествовательный элемент уходит в повести на второй план, выполняя, по сути дела, роль авторских ремарок. Изучая этот феномен, диссертант показывает, что здесь нужно говорить о явлении,

весьма характерном для периода генезиса новой жанровой формы: она, как мозаика, складывается из элементов других жанровых форм. Анализируя художественное время повестей, автор диссертации подчеркивает его многогранность: в единый узел завязываются события, происходящие «сейчас», с теми, что были в далеком прошлом и ожидаются в будущем; причем ожидания эти весьма тревожны в силу открывающихся новых и новых обстоятельств – то благополучных, то катастрофических.

В диссертации отмечено, что в своих повестях Гомец использует прием эпической ретардации, известный читателям еще по поэмам Гомера: действие, достигнув определенной точки напряжения, как бы останавливается, прерывается автором, желающим дать читателю некую «передышку» перед новым витком сюжетного напряжения (этот прием активно использовался и в классицистической драматургии, как западноевропейской, так и русской). В соответствии с техникой эпической ретардации Гомец вводит в повести рассказы персонажей друг другу о событиях, которые уже известны читателю из авторского описания или из сообщений героев повести. Подобные повторы также традиционны для эпического повествования (они неоднократно встречаются у Гомера и придают особое очарование неторопливому и величавому гексаметрическому повествованию), но в прозе они не столь уместны. По мере своего развития жанр повести будет избавляться от повторов в повествовании, и ретардация перестанет быть актуальной, но у Гомец, как показано в диссертации, она используется еще очень активно. С другой стороны, приемы ретардации в переводной повести позволяют заострить внимание на описании переживания события персонажами, что нельзя еще было сделать при «первичном» описании этого события: фактографичность при этом возобладавала в повествовании. В эпическом же повторе то же самое событие подается автором уже в иной плоскости: не как оно совершалось (читатель это уже знает), а как оно *переживалось* его участниками и теми, кто слушает «историю» спустя какое-то время. Таким образом, события и «обстоятельства», оставшиеся в прошлом, очень живо переживаются вновь и персонажами повести, и читателями ее. Это, считает диссертант, очень важный момент в становлении сентиментальной повести и в западноевропейской, и в русской литературе: повествование переходит на уровень «чувствительного» текста. Эта «чувствительность», несомненно, была притягательным моментом в возникновении интереса в России к переводным повестям мадам Гомец.

Если в повести «Нестроения от ненависти происходящая» преобладала драматизация повествования, авторских описаний было очень мало, то в повести «Вестала», в которую входит вставная «Повесть о Клодомарке», преобладает именно описательное, собственно повествовательное начало. В структуре повести выдержаны элементы эпической композиции, начиная

с экспозиции, предваряющей развертывание сюжета повести. Содержание экспозиции весьма интересно и примечательно – исторические сведения самого разнообразного характера, позволяющие автору нарисовать яркую картину далекой исторической эпохи. Сведения, которые русский читатель мог почерпнуть из экспозиции повести, имели несомненно познавательный характер: сообщаемая автором повести информация о Карле Великом и Саксонской войне в основном соответствует реальности (нет только точной датировки событий, да это, в общем-то, и не требуется в художественном повествовании, ибо время обозначено историческими событиями и лицами: Саксонская война рубежа VIII–IX вв. н.э., христианизация саксов французским королем Карлом Великим, отчаянно сопротивляющийся этому на протяжении тридцатилетней войны Видукинд (в повести «Вестала» его имя переведено как *Витикинд* или *Витекинд*). Сподвижником Карла Великого был фриульский герцог Хейрик, которого анонимный русский переводчик повести Гомец превратил в норвежского принца «Ериха-Фредериха». Некоторые из описанных в повести событий имели место в действительности: упомянуты в исторических хрониках, например, в «Жизни Карла Великого» Эйнхарда, созданной в первой половине IX в. н.э.

Нельзя не обратить внимание на то, как в повестях (а особенно в «Вестале» и «Повести о Клодомарке») перемешаны история и вымысел: исторические персонажи взаимодействуют с вымышленными и волею автора проживают жизнь, полную событий и приключений – как выдуманных автором, так и имевших реальную историческую основу. Подобное сопряжение истории и вымысла возникнет в XIX веке в исторических романах Вальтера-Скотта, который будет признан и современниками, и потомками основоположником жанра исторического романа. У Гомец же автор диссертации обнаруживает некое предвосхищение этой вальтер-скоттовской литературной традиции, подготовку основы для ее возникновения. Конечно, ни Гомец, сочиняя свои повести, ни русские переводчики ее «новостей» не ставили перед собой задачи создания собственно жанра исторической повести или романа. Процесс формирования жанра идет спонтанно, опирается на весь накопленный литературный опыт. В этом процессе много участников и много контактов. Осознание той или иной жанровой формы приходит постепенно, постепенно вычленяются и «канонизируются» определенные черты этой формы, они «запоминаются» и передаются в литературном потоке, который не знает ни временных, ни пространственных преград. В результате и возникает та, по удачному выражению М.М. Бахтина, «память жанра», которая дает материал для его историко-литературного осмысления, анализа и теоретических построений. Жанр исторического романа расцветет в XIX веке, а XVIII век активно подготавливал этот процесс: литература шла к историзму подлинному через историзм условный, декоративный, так сказать. А

в прозе тяготение к достоверности, документальности и, в итоге, к историзму «заложено» изначально, в генезисе художественной прозы. Низкие прозаические жанры разрабатывали сюжеты социально-бытовой конкретики (бытовая и сатирическая повести). Высокие жанры обращались, соответственно, к событиям и лицам, значительным и важным; история давала для этого богатый материал. Любовный мотив легко проникал и в ту, и в другую сферу, формируя сюжет и жанровое своеобразие повести, а тем более романа, в котором он вообще займст главенствующее положение. Несмотря на то, что в диссертации не ставились сугубо теоретические задачи в отношении жанра анализируемой повести, тем не менее, ее жанровое своеобразие нельзя не отметить.

Во-первых, пусть и условный, но налицо историзм повести: вполне возможно, что Гомец ориентировалась на «Жизнь Карла Великого» и другие источники. Именно поэтому встречаются исторические имена, факты, названия городов и рек, сведения об исторических событиях (восшествия на престол королей, войны, сражения и т.д.). Пусть абрисно, но прослеживается Саксонская война, переход от язычества к христианству и другие исторические события.

Во-вторых, влияние авантюрного романа, несомненно сказалось на поэтике повести: приключения, любовные интриги, невероятнейшие перипетии судеб, похищения, узнавания и т.д.

В-третьих, русский переводчик, безусловно русифицировал повесть: на него оказали влияние не только анонимные повести Петровской эпохи, но в какой-то степени древнерусская воинская повесть и популярнейшие переводы западных произведений, выполненные В.К. Тредиаковским, А.Д. Кантемиром и др.

В-четвертых, несомненно проникновение в жанровую ипостась повести драматургических элементов: особенно ощутимо влияние на переводчика ранних трагедий Сумарокова.

Завершая главу о прозе Гомец в России, автор диссертации подчеркивает, что не все аспекты, обозначенные им, в равной степени «прописаны» в его исследовании, многое остается в перспективе дальнейшего изучения. Переведенные на русский язык повести мадам Гомец не стали неким художественным открытием в русской литературе середины XVIII века: они составили литературный «чернозем», способствуя в определенной степени формированию жанровой системы русской прозы. Таким образом, известные и неизвестные русские переводчики открыли читателю новое имя – Мадлен Гомец, а переводческая культура обогатилась новым опытом.

В заключении подводятся итоги проведенного исследования. Еще раз уточняется, что в задачи диссертации не входили ни анализ французского текста повестей Гомец (текстологический, культурологический, литературно-

ведческий и т.д.), ни специальное выявление источников, ни сопоставительный анализ оригинала и перевода повести. Это были бы задачи совсем другого исследования – и по другим специальностям (текстология; теория литературы; культурология; зарубежная литература). Реферируемая работа – по истории русской литературы, и русские переводы повестей Гомец интересовали автора диссертации как явление именно русского литературного процесса середины XVIII века, частью которого было усвоение западноевропейских литературных явлений и различные взаимодействия русской и зарубежной литератур. Проведенный в диссертации анализ сюжета и художественных особенностей переводных повестей Гомец позволил выяснить, чем они «пришлись ко двору» в русском литературном процессе, что привнесли в него, чем были интересны для русского читателя. Переводы повестей Гомец рассмотрены в диссертации как типичные образцы западноевропейской переводной прозы в русском литературном процессе середины XVIII века.

В процессе формирования жанра так называемые «второстепенные» авторы и беллетристика литературной периферии играют не последнюю роль. В литературных шедеврах признанных мастеров слова их творческая «кухня» оказывается скрытой, невидимой. У «второстепенных» же и «третьестепенных» авторов – по разным причинам (недостаточность мастерства, литературное ученичество, стремление подражать образцу и т.д.) – эта литературная «кухня» оказывается открытой для читателя (равно как и для переводчика), ибо он видит «замку», соединяющий «своды» и отдельного произведения, и жанровой формы в целом. Художественно незатейливые, но содержательно интересные, с хорошо выстроенным сюжетом и занимательной интригой повести мадам Гомец сыграли свою, пусть и скромную, роль в русской переводной культуре и в становлении жанров повести и романа.

Переводы произведений, подобных «новостям» мадам Гомец, способствовали становлению жанра повести в России, что придется уже на конец столетия, в литературе сентиментализма. А генезис жанра русской повести необходимо видеть не только в «гисториях» петровской эпохи, но и в переводной западноевропейской прозе, органично входившей в русский литературный процесс середины XVIII века.

Основное содержание диссертации отражено в публикациях автора:

1. *Дунина Т.П.* Западноевропейский роман в русской переводческой культуре середины XVIII века // Вестник СФ МГПУ: Гуманитарные науки. – Вып. 5. – М., 2005. – С. 33–36.
2. *Дунина Т.П.* Стилистические особенности западноевропейской прозы XVIII века («Роксана» Д. Дефо) // «О вы, которых ожидает Отече-

ство...»: Сб. науч. работ молодых ученых, аспирантов, соискателей и студентов. – Вып. 6. – Самара, 2005. – С. 75–79.

3. Буранок О.М., Дунина Т.П. Мадам Гомец в России // Телескоп: Научный альманах. – Вып. 11. – Самара, 2005. – С. 7–20.

4. Дунина Т.П. Повесть мадам Гомец «Нестроения от ненависти происходящая» в русской переводной культуре середины XVIII века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук: Специальный выпуск «Актуальные проблемы гуманитарных наук». № 1. Самара, 2006. – С.20-24

Лиц.ЛР № 063550 от 02.08.99.

Подписано в печать 24.05.2006.

Бумага офсетная. Формат 60х84 1/16.

Гарнитура «Times». Печать оперативная.

Усл.печ.л.1,5. Уч.-изд.л. 1,6.

Тираж 100 экз. Заказ № 5539.

Издательство «Научно-технический центр»

член Ассоциации книгоиздателей России

443096, Самара, ул.Мичурина, 58

E-mail: ntc@samtel.ru

Web-сайт: www.ntc-samara.ru

102-